

УДК 1 (091)

ЕВРОПА И ИДЕЯ РОССИИ В КУЛЬТУРФИЛОСОФИИ Ф.А. СТЕПУНА

В.В. Буланов*, Е.А. Сурсимов**

*ФГБОУ ВО «Тверской государственной медицинской университет», г. Тверь

**ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

В статье анализируется точка зрения Ф.А. Степуна на соотношение современной истории Европы с идеей России. Авторы считают, что она была сформирована им под влиянием культурфилософских концепций славянофилов, О. Шпенглера, и собственных размышлений о роли большевизма в истории России и Европы. Показано, что Степун понимает идею России как синтез православия с социализмом и как основу новгородского проекта преодоления тотального кризиса современного мира.

Ключевые слова: большевизм, концепция О. Шпенглера, идея России, новгородский проект, славянофильство.

Ф.А. Степун принадлежит к тем мыслителям, которые философствуют, будучи причастны двум культурным пространствам, но, не вовлекаясь всецело ни в одно из них. В начале своего творческого пути, до эмиграции, он жил в России, но тяготел к европейской культуре. В эмигрантский период Степун пребывал в европейском культурном пространстве, но постоянно размышлял о культурном прошлом и социальном настоящем Европы и России, а на основе полученных выводов – об идее, которая должна стать фундаментом стратегии будущего возрождения России. По этой причине его культурфилософия пронизана размышлениями о Европе и об идее России. Причем эти размышления характеризует максимально возможная для философа культуры объективность оценок – Степун всегда занимает позицию стороннего наблюдателя: живя в России – анализирует Европу, обосновавшись в Европе – исследует Россию.

Философствование Степуна, в том числе и о культурах Европы и России, началось ещё до начала Первой мировой войны. Но его размышления над культурфилософской проблематикой начались значительно позднее. Они были стимулированы двумя группами причин. Первая из них – нарастание кризисных явлений в культуре Европы, в частности рост влияния и удельной доли продукции массовой культуры в европейском культурном пространстве, взаимосвязанный со становлением массового общества, крах многих гуманистических и просвещенческих иллюзий в годы Первой мировой войны. Они были отражены в первом томе «Заката Европы» – труда Освальда Шпенглера, быстро получившего широкую известность, как в Европе, так и в России (кстати, Степун был одним из популяризаторов этого труда в России). Ко второй из них относятся впечатления от трагических событий в

России 1917–1922 гг. и их последствий – кризиса российской культуры, вынужденной эмиграции из страны значительной части образованных людей, установления в ней тоталитарного режима советских марксистов (большевиков). Рассмотрим каждую из этих групп подробнее, а затем выясним специфику воззрений Степуна на роль и место идеи России в социокультурной истории Европы.

Но формирование концептуальной основы культурфилософии Степуна началось позже – после его знакомства с первым томом труда О. Шпенглера «Закат Европы» (1922). В статье Степуна «Освальд Шпенглер и закат Европы» есть две основные идеи: сомнение в правомерности вывода О. Шпенглера об обречённости европейской культуры на гибель [9, с. 6] (в связи с надеждой на её религиозное содержание) и восхищение концепцией души культуры, проявляющейся в человеческом творчестве, и цикла её судьбы [9, с. 26]. О том, что культурфилософская концепция Шпенглера в 1922 г. оказала сильное впечатление на Степуна, свидетельствует его обращение к ней более чем через десять лет, в статьях «Идея России и формы её раскрытия» (1934) и «Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы» (1935). В них он по-прежнему восхищается «физиогномикой» культур, предложенной Шпенглером, и не соглашается с рекомендацией принять неизбежность умирания культуры [4, с. 19; 10, с. 15], в частности, видя спасение культуры Европы «в творческом оживлении ее христианских корней», причём при помощи России [4, с. 19].

Степун, размышляя о мрачном прогнозе Шпенглера относительно судьбы европейской культуры, пристально анализирует социально-политические процессы в Европе 1920–1930-х гг., в частности, рост симпатий к теориям, обосновывающим тоталитаризм.

Кое-что в современной европейской культуре у него вызывают надежду, например, попытка группы Х. Церера создать в немецком обществе нового человека с цельным религиозным мировоззрением [6, с. 80]. Мыслитель считает эту попытку актуальной, исходя из того, что у современной демократии нет образа своего типичного представителя, тогда как у любой формы тоталитаризма (будь то фашизм, нацизм или большевизм) такой образ есть. Заявление Степуна о том, что «творческий замысел о человеке завтрашнего дня становится... основной задачей всякого вновь слагающегося политического течения» нельзя воспринять иначе как попытку возразить Шпенглеру, считавшему, что культура современной Европы уже не способна к формулированию и тем более к успешной реализации такого замысла [8, с. 6–7]. По мнению Степуна, это учение бессильно, потому что не содержит той позитивной конкретики, которая присуща подлинному христианству [12, с. 48], и тем самым подтверждает мнение Шпенглера об упадочности современной культуры Европы.

В целом Степун разделяет это мнение. Как и Шпенглер, мыслитель выражает бессильное «раздражение против деловитости и плоской

разумности будничной европейской жизни», констатируя, что современные европейцы говорят лишь «о ценах и деньгах» и «нелепо и бессмысленно» стремятся вдале, не умея о чем-то мечтать и во что-то верить. В духе Шпенглера Степун и обличает центр цивилизации – большой фабрично-казарменный город, чья «хищная и расчетливая душа» давно обуреваема лишь «голою жаждой жизни и власти» [14, с. 11–12].

Другое дело, что он ищет и находит другие объяснения причин и закономерностей этого упадка. Степун в статье «Чаемая Россия» проводит анализ политического аспекта данного процесса. Он приходит к выводу, что в XVIII в. гегемония принципа авторитарного иерархизма в XIX столетии сменилась его борьбой с либеральным принципом равновесия духовных и социальных сил и с демократическим принципом равенства [14, с. 13–14]. В начале XX в. эта борьба привела к поражению либерализма и слиянию «принципа авторитарного иерархизма с принципом уравнительной демократии». В результате возникает массовое общество с вождем у власти. В нём вождь, согласно пропаганде, постигает и воплощает волю масс, на основе учения обосновывается мистическое тождество «вождя, партии и ведомых масс», а поэтому – права и правды, государства и общества и т. п. Такова любая идеократическая диктатура, и не важно, какова её специфика – фашистская, нацистская или большевистская [14, с. 16–17].

Статья Степуна «О человеке “Нового Града”» посвящена изучению религиозного аспекта кризиса европейской культуры. И вновь этот кризис порождается рационалистическим отрывом свободы от братства (т. е. от религиозной истины) в светском либерализме XIX в., для которого характерна просвещенческая «вера в силу самодовлеющего, посюстороннего разума», способного в ходе дискуссий разрешить все проблемы. К концу того же века эта вера оказалась подорвана, а вследствие этого произошел отрыв свободы от равенства в современных диктатурах [8, с. 22–25].

По мнению Степуна, высказанному в статье «Путь творческой революции», этот кризис имеет и экономическое измерение. Пытаясь объяснить, почему «кризис капитализма сливается в Европе с кризисом демократии» [11, с. 10], он утверждает, что одна из причин этих процессов – отказ социализма «от ставки на иррациональную... глубину человека» во имя построения справедливой социально-экономической действительности, «в своей борьбе против буржуазно-капиталистического мира» [11, с. 12].

Так как большевизм – российская форма европейского социализма и одна из форм тоталитарных идеологий, то это для Степуна – одно из проявлений кризиса европейской культуры. Вместе с тем большевизм – это, по мнению мыслителя, уникальный вклад России в историю культуры Европы. По его мнению, российская интеллигенция посредством большевизма усугубила кризис европейской культуры, «осуществила... финал либерально-капиталистической эпохи», большевизм во многом «создал модель политического и хозяйственного стиля двадцатого века»

[14, с. 13]. Тому, согласно Степуну, есть несколько причин. Во-первых, большевики первыми совершили «отрыв свободы от равенства, либерализма от демократии» [8, с. 22], и тем самым подали пример европейским противникам демократии и либерализма. Во-вторых, новацией большевизма стала «радикальная отмена человека с большой буквы» – следствие доведения до логического конца неверия в религиозную природу человека [11, с. 12–13]. В-третьих, в форме большевизма произошло «религиозное утверждение западноевропейской атеистической цивилизации», возник «сатанинский антитеизм», типичный для тоталитарных идеологий [11, с. 12–14]. Тем самым Степун опроверг тезис Шпенглера об обособленности основных тенденций истории культур Европы и России. Культурфилософская концепция Шпенглера побудила Степуна исследовать социокультурную эволюцию Европы и России, начиная с эпохи Просвещения, в ряде моментов возразив немецкому философу.

Оказавшись в 1922 г. в эмиграции, Степун формулирует своё отношение к дореволюционной и советской социокультурной истории России. Это происходит в контексте его размышлений о соотношении и взаимовлиянии России и Европы. При этом мыслитель учитывает традицию российской философии культуры, и в первую очередь, позиции евразийцев и славянофилов по поводу должного отношения России к Европе. Степун дистанцируется и от культурфилософии евразийства, не принимая ни его «бытового православия» (так как «вечная истина христианства постоянно обновляется» и христианство должно служить преображению мира), ни его мотивов противопоставления России Европе (так как оно несовместимо с духом религиозной свободы, в частности с всемирным «утверждением вечных прав человека и гражданина») [13, с. 80, 82].

К культурфилософской позиции славянофилов (в первую очередь И.В. Киреевского и А.С. Хомякова) по этому вопросу Степун относится двояко. С одной стороны, он соглашается с их негативным отношением к европейскому рационализму, как к началу, разрушительному для общества и несовместимого с иррациональной глубиной человеческой души [11, с. 11]. Продолжая ход их мыслей, Степун утверждает, что «идея России в защите идеи от идеологий», как от сугубо рациональных конструктов, и потому она несовместима с теми идеологиями, под влиянием которых «сейчас гибнет христианская душа Европы» [4, с. 19]. Близка Степуну и славянофильская идея соборности как «корневой связанности всех сфер сознания и областей культуры». Её он находит и в большевизме, но подчёркивает, что в нём не хватает самого главного в славянофильстве. То есть «той религиозной веры в свободу, без которой... осуществление целостного сознания неизбежно превращается в предельное насилие над инакомыслящими» [8, с. 10].

Степун в основном разделяет славянофильскую критику европейского рационализма, придавая ей более широкое культурфилософское содержание. В статье «Идея России и формы её раскрытия» он пишет об

изначальной противоположности отношений культур России и Запада к соотношению идеи и жизни. По сравнению с российской культурой, «культура Запада – культура обратного пути: не первичного восхождения идеи к жизни» (человек создает идеи, чтобы лучше постичь жизнь), «а вторичного нисхождения идеологии в жизнь» (человек сначала формулирует идеи, а из них идеологию, чтобы сначала объяснить жизнь, а затем, чтобы подчинить жизнь идеологии). В частности, для мыслителя важнейшей категорией духовности протестантизма не Божий лик, как в православии, а метафизическая идея (в частности, идея безликого Бога). Вследствие этого, нисхождение идеи Бога в протестантизме осуществляется не в православной форме лица человека (как образа и подобия Бога), а в форме человеческой мысли. Отсюда разные идеалы человека (святой для православия, герой для протестантизма) и базовые этические ценностные установки (в православии – самопреодоление человека, в протестантизме – его самоутверждение). Степун убежден в том, что самоутверждение героя – рационалиста – это «источник всех воспалительных, иллюзионистических и утопических процессов в жизни» и потому протестантские культуры не могут быть ни трезвыми в оценке действительности, ни глубокими в её осмыслении. В этом Степун находит основную причину нарастающего расхождения между духовными основаниями культур России (как культуры православной) и Европы (Запада; совокупности католических и протестантских культур). Она заключается в более уважительном отношении православия к духовному опыту раннего христианства, в отличие от католичества и протестантизма, тяготеющего к размышлению над проблемами христианства [4, с. 17–21].

Итогом прогрессирующего отхода европейских культур от религии является, по мнению Степуна, всеобщая «метафизическая инфляция» – всё большая девальвация каждой из конкурирующих идеологий из-за нарастающего отрыва от «религиозных истоков мира». Единственно возможный выход из сложившейся ситуации мыслитель видит по-славянофильски – в возвращение к этим истокам «и через новое от них возвращение в жизнь» [11, с. 15–16]. Философ надеется, что именно русской эмиграции суждено осуществить «раскрытие логоса идеи новой России», той идеи, которая может лечь в основу идеологии «творческой революции» как революционного преобразования социокультурной реальности, ориентируясь на религиозные смыслы и ценности [3, с. 27]. В связи с этим А.А. Еремичев отмечает, что для Степуна большевизм неприемлем как «сакрализованное западничество», породившее всемирный «сатанинский антитетизм», но оправдан как русская форма «религиозного алкания правды-истины и правды-справедливости» [1, с. 354–355].

Итак, Степун как культурфилософ во многом является продолжателем дела славянофилов. Вместе с тем, по его мнению, славянофилы пребывали в заблуждении как относительно преимуществ России перед Европой (необоснованно видя в России единственный оплот против ре-

волюционной пропаганды, популярной в Европе), так и о всемирной культурной миссии России (якобы, в её призвании «примирить безбожного человека Запада и бесчеловечного бога Востока»). Эти заблуждения выявили события, приведшие к возникновению большевистской, Советской России [4, с. 19–20].

Увлечение Степуна мрачной характеристикой, данной Шпенглером современной европейской социокультурной реальности и славянофильским противопоставлением культур России и Европы повлияли на результаты его рефлексии над большевизмом, как культурфилософским феноменом. Вместе с тем отношение мыслителя к большевизму неоднозначно и самобытно.

Для Степуна большевизм, воспринимаемый им как «русский грех» [4, с. 18], проявление «провиденциального зла» [5, с. 90] и эклектическое сочетание «государственно-капиталистической фабрики, усовершенствованнейшей казармы и противобожеской церкви» [14, с. 17] неприемлем. Философ чужд эмигрантским течениям (в частности, сменовеховству), склоняющимся к оправданию и приятию идеологии и практики советских марксистов. Вместе с тем Степуна близок призыв социалистов (в том числе и русских марксистов) к революционному переустройству социокультурной действительности, возможному лишь при ведении политической борьбы и при следовании идеологии, призывающей к творчеству нового мира [3, с. 27]. Симпатизирует он и социалистическому стремлению к созданию общества без неравенства и эксплуатации, но при этом заявляет, что у большевизма почти нет общего с социализмом, а то время как отвергаемая большевиками «христианская душа по природе социалистична» [4, с. 26–27].

Степун ищет действенную альтернативу большевизму, видя в успехе своего поиска не только путь к спасению России, но и средство преобразования современного мира, погрязшего в атеизме просветителей, в идейном бессилии либералов и в алчности капиталистов. Его надежды связаны с теми русскими людьми, которые хранят «духовный корень России», призванный в будущем обеспечить расцвет «синтетической русской культуры» [5, с. 90–91]. В чём же, по мнению Степуна, будет заключаться её синтетичность?

Её синтетичность для отечественного мыслителя заключается в соединении христианства и социализма. Это потому, что для Степуна слово «социализм» объединяет труд с устремлением «коллективного труда к соборной личности» и тем самым является «хозяйственной проекцией русской идеи» [4, с. 26–27]. А религиозный компонент русской идеи – это «возврат к первоизданной идее русской культуры, к идее православного христианства» [14, с. 25–26], в частности, к категории «соборности» как важной составляющей русской духовности [4, с. 20]. В целом же для мыслителя русская идея, или идея России (для Степуна это синонимы) заключается «в блюдении Божьего замысла о мире и ли-

ка Его в каждом человеческом сердце» [4, с. 18–19]. Эти размышления – итог серии статей Степуна 1920-х гг. – «Мысли о России».

На их основе Степун, будучи почти все 1930-е гг. главным редактором и основным автором журнала «Новый Град», попытался создать новоградство – новое общественное движение и культурный феномен, одинаково значимый и для России и для Европы. По замыслу мыслителя, «пафос новоградского искания, устремленного навстречу религиозному... социализму» [5, с. 90–91], даёт надежду, что следование идее России позволит решить все актуальные современные социокультурные проблемы, как в ней самой, так и в Европе. Сложно не согласиться с В.К. Кантором в том, что Степун «понимал, что как России нельзя без Запада, так и Западу нельзя без России» [2, с. 16].

Новоградство синтезирует в себе частичное приятие Степуном концепции Шпенглера (констатация кризиса культуры Европы (хотя вместе с нею и всего человечества)) и философии культуры славянофильства (убежденность в том, что истинно лишь православное, мистическое христианство, что обществу должна быть присуща соборность) [7; 8, с. 14; 13, с. 81–83]. Важным компонентом новоградства является и противостояние большевизму, как и любой другой форме утопизма [8, с. 12] и политической идеократии (идеологии тоталитаризма) [10, с. 13] во имя одновременной защиты ценностей демократии и христианства [8, с. 18]. Иными словами, Степун, формулируя и пропагандируя новоградский проект, в 1930-х гг. предлагает «третий путь между рыночным либерализмом и диктатурой» [15, с. 45]. К сожалению, этот новаторский проект, основанный на идее социокультурного единства Европы и России, так и не был реализован. Позднее культурфилософское творчество Степуна (второй половины 1940–начала 1960-х гг.) ничего принципиально нового по сравнению с новоградством не содержит.

В культурфилософии Степуна размышления о Европе и об идее России в зрелом виде излагаются в серии его работ 1930-х гг. На их генезис определяющее влияние оказало его увлечение концепцией «Заката Европы» Шпенглера, противопоставление культур России и Европы, а также стремление осмыслить феномен большевизма и его неоднозначную роль в социокультурной истории России и Европы. Степун стремится доказать, что идея России (или русская идея) заключается в следовании духу подлинного христианства, от которого ныне отошли и Россия и Европа, а также в синтезе этого христианства с социализмом. Проект реализации идеи России в современном мире Степун называет «новоградством». «Новоградство» как культурфилософский феномен базируется на убеждённости мыслителя в неразрывной взаимосвязи России и Европы, в частичной правоте славянофильской критики Европы и диагноза, поставленного Европе Шпенглером, а также в двойственности большевизма – как западного греха России и как отражения – пусть частичного и искаженного – русских народных представлений о правде и справедливо-

сти. Степун 1930-х гг. надеется на выход человечества из тотального кризиса при условии его следования идее России (конкретизированной в новгородском проекте), но этого не произошло.

Список литературы

1. Еремичев А.А. Ф.А. Степун: христианское видение России // Федор Августович Степун / под ред. В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2012. С. 338–359.
2. Кантор В.К. Вступительная статья. Фёдор Степун: хранитель высших смыслов, или Сквозь катастрофы XX века // Федор Августович Степун / под ред. В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2012. С. 5–33.
3. Степун Ф.А. Задачи эмиграции // Новый Град. 1932. № 2. С. 15–27 [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/noviy_grad/2/2/. (дата обращения: 10.01.2020).
4. Степун Ф.А. Идея России и формы её раскрытия // Новый Град. 1934. §48. С. 15–27. [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/noviy_grad/8/2/. (дата обращения: 10.01.2020).
5. Степун Ф.А. Ответ И.В. Гессену // Новый Град. 1932. §4. С. 86–93 [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/noviy_grad/5/9/. (дата обращения: 10.01.2020).
6. Степун Ф.А. О некоторых культурно-философских и общественно-политических исканиях: в современной Германии // Новый Град. 1932. № 2. С. 74–80 [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/noviy_grad/2/8/. (дата обращения: 10.01.2020).
7. Степун Ф. А. О свободе // Новый Град. 1938. № 13. С. 11–45 [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/noviy_grad/13/2/. (дата обращения: 10.01.2020).
8. Степун Ф. А. О человеке «Нового Града» / Ф.А. Степун // Новый Град. 1932. № 3. С. 6–20 [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/noviy_grad/3/2/. (дата обращения: 10.01.2020).
9. Степун Ф.А. Освальд Шпенглер и закат Европы. М.: Берег, 1922 [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/stepun_osvald. (дата обращения: 10.01.2020).
10. Степун Ф. А. Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы // Новый Град. 1935. № 10. С. 12–28 [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/noviy_grad/10/2/. (дата обращения: 10.01.2020).
11. Степун Ф. А. Путь творческой революции // Новый Град. 1931. № 1. С. 8–20 [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/noviy_grad/1/2/. (дата обращения: 10.01.2020).
12. Степун Ф.А. Религиозный социализм и христианство // Путь. 1931. № 29. С. 20–48 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odinblago.ru/path/29/2/>. (дата обращения: 10.01.2020).

13. Степун Ф.А. «Третья Россия» // Новый Град. 1932. № 3. С. 80–83 [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/noviy_grad/3/10/. (дата обращения: 10.01.2020).
14. Степун Ф.А. Чаемая Россия // Новый Град. 1936. № 11. С. 11–40 [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/noviy_grad/11/2/. (дата обращения: 10.01.2020).
15. Хуфен К. Три мечты и одна безумная надежда // Федор Августович Степун / под ред. В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2012. С. 34–54.

EUROPE AND THE IDEA OF RUSSIA IN F.A. STEPUN'S PHILOSOPHY OF CULTURE

V.V. Bulanov*, E.A. Sursimov**

*Tver State Medical University, Tver

**Tver State University, Tver

The article examines F.A. Stepun's approach to the modern history of Europe and the idea of Russia. His point of view is interpreted as formed under the impact of Slavonophiles understanding of cultural history, O. Spengler' doctrine, and his own reflections on the role of Bolshevism in the history of Russia and Europe. Stepun's vision of the idea of Russia as synthesis of Orthodoxy with socialism is considered as a basis of the «new city» («novogradsky») project of overcoming the total crisis of contemporary world.

Keywords: *Bolshevism, conception of O. Spengler, idea of Russia, «new city» («novogradsky») project, Slavonophiles.*

Об авторах:

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail – althotas3111978@mail.ru

СУРСИМОВ Егор Андреевич – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: sursimov@bk.ru

Authors information:

BULANOV Vladimir Vladimirovich – PhD, Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Psychology with courses of Bioethics and History of Russia, Tver State Medical University, Tver. E-mail: althotas3111978@mail.ru

SURCIMOV Egor Andreevich – PhD student of the Dept. Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: sursimov@bk.ru